

А. А. Преображенская, А. Г. Флорес

**ПОЭТ И ЕГО ПОКРОВИТЕЛИ:
К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА
ПИСЕМ И ПОСЛАНИЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО**

Аннотация

Настоящая заметка посвящена проблеме социально-исторического контекста писем и посланий первого русского придворного поэта Симеона Полоцкого (1629–1680). В заметке предлагается краткий обзор корпуса сохранившихся писем Симеона и обсуждаются методологические проблемы работы с эпистолярным материалом. Отдельно исследуются послания Симеона его «покровителям»; сделана попытка рассмотреть письма как источник по истории патрон-клиентских отношений и отношений литератора и мецената/меценатов в России второй половины XVII в.

Ключевые слова

Симеон Полоцкий, письма, послания, письмовник, патрон-клиентские отношения, меценатство и меценаты, покровители, язык патроната

Творчество Симеона Полоцкого (1629–1680), первого русского придворного проповедника и первого русского профессионального литератора, не раз оказывалась в фокусе самых многочисленных и разнообразных исследований, преимущественно литературно-филологических, однако единственной относительно полной биографией поэта до сих пор остается написанная в XIX в. монография Иерофея Алексеевича Татарского [Татарский 1886], которая, благодаря новейшим исследованиям жизни и творчества Симеона, может быть значительно дополнена и расширена, в частности, новыми сведениями о финансовом положении поэта [Лаврентьев, Преображенская

Цитирование: Преображенская А. А., Флорес А. Г. Поэт и его покровители: к проблеме социально-исторического контекста писем и посланий Симеона Полоцкого // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 50–57.

2020]. Сочинения Симеона, подробно изученные с точки зрения поэтики, довольно редко оказываются вписаны в исследования в социальную реальность, равно как и личность автора: сочинения Симеона словно «живут сами по себе», вне общества, внутри которого они создавались, вне людей, для которых они писались и которым предназначались, а полноценная биография крупнейшего русского литератора второй половины XVII в. остается ненаписанной.

В связи с выше сказанным представляется актуальным рассмотреть некоторые тексты Симеона Полоцкого, в частности – его эпистолярное наследие, в социально-историческом контексте, и предпринять попытку оценить сохранившиеся до наших дней письма и послания Симеона как источник, содержащий сведения, необходимые для лучшего понимания положения поэта в московском обществе второй половины XVII в., т. е. его социального статуса и его отношений с представителями духовенства и придворной аристократии, которые на данный момент практически не изучены.

На данном этапе нашего исследования мы предполагаем сосредоточиться не только и не столько на поэтике, теории литературы и эпистолярном этикете, сколько на вопросах, связанных с исторически-социальным фоном бытования писем¹: кем были адресаты Симеона с точки зрения социального положения? как устанавливались и как поддерживались подобные деловые, дружеские и иные связи, находившие отражение в переписке? насколько интенсивным был обмен корреспонденцией и как была устроена техническая сторона обмена письмами?

В этой небольшой заметке мы попробуем обозначить саму исследовательскую проблему; дать характеристику нашим источникам и проговорить те ограничения, которые накладывает на исследование сам материал, и наметить пути их преодоления; и, наконец, чуть более подробно остановиться на сюжете, связанном с проблемой меценатства в России второй половины XVII в. и с письмами Симеона Полоцкого, адресованными его «патронам» и меценатам.

Наш основной источник – неофициальные, литературно-бытовые, дружеские, «с обязательной заботой о “хорошем” стиле и “хорошем” тоне» [Понырко 1992, с. 4] письма Симеона, большая часть которых сохранилась в составе хорошо известной исследователям рукописи ОР ГИМ. Син. собр. № 130 (т. н. «письмовник» Симеона Полоцкого) (далее Син. 130. – *А. П., А. Ф.*), а также в рукописях ОР РНБ. F.XVII.83 («черновая» копия письмовника из Отдела рукописей ГИМ), РГАДА. Ф. 381. № 390, ГИМ ОР. Син. собр. № 659, ГИМ ОР. Син. собр. № 48, БРАН 16.14.24, РНБ. Погод. собр. № 1963. Мы не рассматриваем грамоты и челобитные Симеона, так как это тексты официальные, часто представляющие собой послания лишь по форме, но ответа не предполагающие. Такие «послания» не попадают под определение «частной переписки» и вряд ли могут быть отнесены к письмам как таковым.

В некотором комментарии нуждается и тот факт, что исследуемые нами послания включены в «письмовник». Согласно Н. В. Понырко, характерной чертой частной, бытовой переписки является то, что частные письма обычно не тиражируются [Понырко 1992, с. 3; Федотова 2005, с. 7, прим. 8], остаются для внутреннего пользования, а письмовник по своему характеру неизбежно предполагает тиражирование включенных в него эпистолярных образцов. Тем не менее, письма, находящиеся в фокусе нашего внимания, безусловно могут быть включены в «частную переписку».

Прежде всего, мы располагаем черновой рукописью «письмовника», своего рода «журналом корреспонденции» [см. Уо 2015, с. 122], содержащим копии писем, еще не обработанных, не отредактированных для включения в письмовник. Во-вторых, литературность многих из рассматриваемых нами писем весьма сомнительна: состоящие практически полностью из этикетных формул и практически лишённые

¹ Биографической информации, содержащейся в письмах Симеона Полоцкого, посвящена статья [Rolland 1985, p. 166–181].

содержательной части, эти тексты не могут претендовать на роль литературных посланий². Наконец, предполагаемая «литературность» посланий (не только их пригодность для дальнейшего использования в качестве образцов, но и их «литературная» содержательность [см. Поньрко 1992, с. 3–4]), связанная с их включением в письмовник, нуждается в дополнительной проверке. Несомненно, в случае Симеона мы имеем дело с попыткой «воспитать, образовать» не только своих непосредственных корреспондентов, но и более широкую аудиторию, представить обмен литературно-интеллектуальными, «дружескими» посланиями как практику, достойную образованного человека. Эта «литературность» – с точки зрения самого автора посланий; наличие позднейших списков этих писем (т. е. фактическое использование «письмовника») – предмет отдельного исследования.

Материал, имеющийся в нашем распоряжении, предполагает решение целого ряда методологических проблем.

Во-первых, остается открытым вопрос, какие письма были реально отправлены адресатам, а какие – составлены специально для письмовника: без тщательного сопоставления всех копий «письмовника» и без попытки идентифицировать адресанта и адресанта нельзя утверждать наверняка, что какие-либо послания не являлись результатом литературных упражнений. Прояснить этот вопрос поможет черновая рукопись письмовника из РНБ³. Была бы безусловно полезна и обнаруженная нами в ходе исследования третья копия письмовника [Георгиевский 1896, с. 226, № 105]; однако на данный момент рукопись в фондах Владимирского музея-заповедника не значится (вероятно, была утрачена). Предположительно, это была промежуточная копия, т. е. отредактированный черновик: хорошо известно, что многие сочинения Симеона – например, сборники его проповедей – сохранились до наших дней в трех копиях «допечатной подготовки»: черновой, промежуточной и белой (например, в трех рукописных копиях сохранились сборники проповедей «Обед душевный» и «Вечера душевная»).

Во-вторых, только для небольшого количества посланий имеются все необходимые метаданные, такие как имя адресата, адрес, дата, подпись адресанта. Часто, даже если известно имя получателя письма, практически невозможно установить, кем был этот человек и что его связывало с Симеоном Полоцким.

В-третьих, хорошо известно, что Симеон составлял разные тексты для других лиц: проповеди, речи, орации, стихотворные приветствия, в том числе и письма. Часть подобных текстов была известна уже И. А. Татарскому, который указал на ряд рукописей, но не обозначил конкретные сочинения. Без сомнения, необходимо собрать по возможности полный корпус таких текстов, так как он станет прямым свидетельством «литературного» участия Симеона Полоцкого в церковной жизни Москвы.

На данный момент мы располагаем «формулярами» и оригиналами для двух проповедей⁴ и одной речи. Так, приветственная речь вселенским патриархам, произнесенная митрополитом Казанским и Свияжским Лаврентием [Дело о патриархе Никоне, 1897, с. 271–273, № 50], была сочинена Симеоном – она читается в сборнике приветственных речей ОР ГИМ. Син. собр. № 229 (далее Син. 229. – А. П., А. Ф.).

Наконец, во всем корпусе писем Симеона Полоцкого почти не сохранилось ответных писем: у нас имеются пять ответов Лазаря Барановича [Письма преосвященного Лазаря Барановича, 1865, с.] и семь – Сильвестра Медведева [см. Браиловский]. Чаше всего

2 Исключение составляют, пожалуй, два утешительных послания, адресованных думному дьяку Дементию Миничу Башмакову по случаю кончины его жены. Об этих письмах см. [Preobrazhenskaya 2016].

3 И. А. Подтергера отмечала, что рукописи РНБ и РГАДА содержат пометы, из которых становятся известны адресаты и адресанты, даты и другие метаданные [Подтергера, 2000, с. 39].

4 Это формулярные проповеди «на погребении честных жен» и «на погребении архиерея» из приложения к «Вечери душевной».

мы узнаем о существовании ответов (утраченных, не сохранившихся до наших дней) из писем самого Симеона: «За **посещение письмом** (Здесь и далее полужирный шрифт наш. – А. П., А. Ф.), полным отцовской благосклонности и милости <...> покорно благодарю Преосвященство Твое» (Здесь и далее перевод И. А. Подтергеры. – А. П., А. Ф.). «Когда мой покровитель принятому своими руками радовался Христу, в этот памятный день я возрадовался **врученному в руки мои писанию** от Преосвященства Твоего», «За **посещение письмом**, через родственника присланным, покорно благодарю».

В количественном отношении корпус сохранившихся писем Симеона Полоцкого не очень велик – по сравнению с Европой раннего Нового времени – и составляет порядка сотни разнотипных посланий, написанных в основном на русском и польском языках.

Предварительный количественный анализ писем Симеона и попытка систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении метаданные посланий в виде таблицы позволяют сделать некоторые любопытные наблюдения. Так, простой подсчет писем показывает, что наиболее активно Симеон переписывался с украинскими и белорусскими церковными иерархами – Лазарем Барановичем (13+1 письмо⁵), Варлаамом Ясинским (девять писем), Иннокентием Гизелем (два письма), Антоном Радивиловским (два письма) и др.

Из представителей великорусского духовенства сравнительно большое количество писем адресовано митрополиту Казанскому и Свияжскому Лаврентию (пять писем + одно⁶). К. В. Харлампович писал, что «[д]остаточно назвать имена тех лиц, для которых Полоцкий был живой, так сказать, христоматией и живым письмовником, чтобы представить какие широкие знакомства завел он на Москве и на какие круги общества влиял. <...> Он (Симеон Полоцкий. – А. П., А. Ф.) писал м.м. Феодосию белгородскому, Лаврентию казанскому, Корнилию сибирскому, архиепископу рязанскому Илариону, архим. Иоакиму чудовскому, успенскому протопопу Мих. Савину, кн. Ю. П. Трубецкому, Гр. Гр. и Мих. Гр. Ромодановским, Ив. Север. Хитрово, Богд. Матв. Хитрово, Ордыну-Нащокину» [Харлампович 1914, с. 387], но в большинстве своем сохранилось в лучшем случае одно-два письма Симеона, адресованные кому-либо из списка, и совсем не сохранилось ответов. Очевидно, что Симеону не в полной мере удалось наладить в Москве обмен литературно-интеллектуальными посланиями, который существовал в среде выучеников Киево-Могилянской академии, однако письмовник, который, вероятно, предполагался для издания в Верхней типографии, должен был это исправить.

Внутри всего корпуса писем Симеона Полоцкого выделяется группа посланий, адресованных поэтом своим «покровителям»: боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, окольничему Федору Михайловичу Ртищеву, боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, боярину князю Юрию Петровичу Трубецкому, митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу и другим (см. приведенный выше список «знакомств» Симеона из труда Харламповича).

Во многих исследованиях эти люди называются «покровителями» Симеона, однако практически ничего неизвестно о том, как именно эти отношения работали и как они были устроены, как завязывались и как поддерживались, какие из этих отношений были скорее дружескими, а какие – вынужденными, какие можно было бы назвать отношениями с «коллегами по цеху», какие услуги оказывались со стороны поэта и что предлагали взамен «покровители». Представляется, что некоторые из этих знакомств являют собой первый случай меценатства в допетровской Руси.

Обсуждение проблемы покровительства и его частного случая – меценатства, в русском XVII в. требует прежде всего понимания того положения, который Симеон

5 Одно письмо находится в постскрипуме другого.

6 Одно письмо только предположительно адресовано митрополиту Лаврентию.

Полоцкий занимал при царском дворе. Нужно хорошо понимать, что русское общество второй половины XVII в. не предполагало места для свободного художника. Симеон занял беспрецедентную позицию в московском обществе, будучи монахом с одной стороны, и при этом фактически выполняя функции придворного светского человека: жизнь Симеона в Москве обеспечивалась за счет средств двора (из Приказа большого прихода⁷), причем в отличие от чинов двора, Симеон получал содержание и на «домовые потребности» (продукты питания, сено и овес для лошади и т. д.), для Симеона даже были построены специальные кельи на территории Заиконоспасского монастыря [см. об этом подробнее в Лаврентьев, Преображенская 2020, с. 756].

Сведения о покровителях Симеона из среды московского и южнозападнорусского духовенства и московской аристократии сохранились в источниках нескольких типов: в эпистолярных и стихотворных⁸ текстах, а также в маргинальных пометах из рукописей Симеона.

Сохранилось около десяти частных писем Симеона, адресованных его «покровителям», однако не вызывает сомнения, что часть писем – это только попытка установить отношения покровительства [Полонский 2011, с. 76]. Кроме того, надо полагать, что письма подобного рода (как, например, рассмотренная ниже просьба о покровительстве, адресованная влиятельному лицу) могли не предполагать ответа.

Покровители Симеона из духовной среды представляются достаточно очевидными – будучи монахом, Симеон не мог не иметь благоволивших ему церковных иерархов, таких как митрополит Сарский и Подонский Павел, митрополит Рязанский и Муромский Иларион, митрополит, а затем и патриарх, Новгородский и Великий Лук Питирим, архимандрит московского Богоявленского монастыря Амвросий⁹, митрополит Казанский и Свияжский Лаврентий и т. д.

Симеон не только писал для этих людей проповеди на заказ: для каждого митрополита он составил, также на заказ, по духовной грамоте. Любопытен сам факт того, что митрополиты заказывали литературные тексты именно у Симеона, а не в своей митрополичьей канцелярии, что можно рассматривать и как заслугу литературных талантов Симеона, и как «моду» на его сочинения, и как реализацию патрон-клиентских отношений. Эти знакомства складывались, по-видимому, на основе общей деятельности, и вряд ли их можно назвать отношениями литератора и меценатов.

Меценатами же Симеона, в собственном значении этого слова, можно назвать нескольких членов Боярской думы: боярина Богдана Матвеевича Хитрово, боярина князя Юрия Петровича Трубецкого, боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, окольничего Федора Михайловича Ртищева, думного дьяка Дементия Минича Башмакова.

Одним из самых могущественных покровителей Симеона был боярин Богдан Матвеевич Хитрово. В «письмовник» Симеон включил адресованное Богдану Хитрово послание, датированное нами периодом между 1667 и 1670 г. Это формулярный текст послания, представляющий собой образцовую просьбу о покровительстве, обращенную к влиятельному человеку.

Среди услуг, которые Симеон оказывал Богдану Матвеевичу Хитрово, были проповедничество и литературные труды: в храмах принадлежавших Богдану Хитрово сел Киево¹⁰ и Братцево Симеон на протяжении нескольких лет читал проповеди; в «Рифмологион» включены стихотворные послания Богдану Хитрово на именины и на Рождество;

⁷ Что также могло служить основой для патрон-клиентских отношений. Мы благодарим за этот ценный комментарий нашего коллегу Андрея Владимировича Топычанова.

⁸ Стихотворные послания из сборника «Рифмологион» [например: Симеон Полоцкий. Virshi, 1990, с. 280, 281, 283 и т. д.]

⁹ Богоявленский монастырь, пожалуй, единственный в кейсе Симеона случай покровительства на основе сососедства. Богоявленский монастырь располагался практически напротив Заиконоспасского, в котором жил Симеон.

¹⁰ На территории современной Лобни.

в сборнике Син. 229. читается духовная грамота, составленная Симеоном для Богдана Хитрово [Син. 229, л. 296 об. – 298].

Другой покровитель Симеона – «ближайший предстоятелю благочестивѣйшаго самодержца избраннѣйший» воевода боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. В письмовник № 130 включено адресованное боярину послание Симеона [Син. 130, л. 202 об.–203 об.; РНБ F.XVII 83, л. 243–243 об.], которое содержит благословение Юрию Алексеевичу и его войску. В «Рифмологионе» содержится несколько стихотворных приветств, адресованных боярину¹¹, в том числе и утешительное стихотворение на смерть брата Юрия Алексеевича [Симеон Полоцкий. *Вирши*, 1990, с. 281].

Наконец, еще один покровитель Симеона – думной дьяк Дементий Минич Башмаков. Сохранилось два утешительных послания, адресованных Дементию Миничу по случаю смерти его жены. Письма различаются, по всей видимости, степенью формальности (в первом послании присутствует обращение «дядюшко»).

Отдельного исследования заслуживает так называемый «язык патроната». С одной стороны, часто встречающиеся в письмах Симеона риторические витиевато украшенные формулы безусловно принадлежат эпистолярному этикету. С другой стороны, в эти формулы Симеон включает не только титулы и имена адресатов, но и термины, обозначающие их статус покровителя по отношению к Симеону.

Так, во всех письмах к членам Боярской думы в приветствия включено наименование/обращение «благодетель», обозначающие патрона (см., например, письмо Богдану Хитрово: «Благородный и во православии свѣтло сияющий госудрю мой Богданъ Матвеевичъ. Бояринъ, и ближайший предстоятелю пресвѣтлаго царьскаго величества. **Благодѣтелю мой премилостивый**» [Син. 130, л. 125].

Однако тут надо сделать оговорку: в различных составленных Симеоном речах, которые читаются в Син. 229, Симеон использует слово «благодетель», обращаясь не только к покровителям: так же именуется родитель в речах, адресованных от сына к отцу, и духовный отец в речах, составленных от имени духовного чада.

В самих текстах писем встречаются также обращения «ходатай» и «заступник». Себя же Симеон называет «смирненным рабом», «присным богомольцем» и «единым от питомец»; из этого ряда только последняя формула может быть рассмотрена в качестве примера языка патроната.

Подводя итог, можно с уверенностью говорить, что письма Симеона Полоцкого, рассмотренные в социально-исторической перспективе, представляют собой многообещающий материал для дальнейшего исследования. Особенно любопытным представляется изучение посланий Симеона в контексте патрон-клиентских отношений. Несмотря на то, что «российское общество было пронизано разными формами связей и зависимостей» [Анисимов, Базарова и др. 2022, с. 51] и что рамка патрон-клиентских отношений может быть не всегда применима к российской действительности и не всегда полезна, кейс Симеона Полоцкого дает возможность говорить о существовании в допетровской Руси такого типа патрон-клиентских отношений, как отношения художника и мецената/меценатов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Браиловский 1901 — Браиловский С. Н. Письма Сильвестра Медведева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 65 с.

Дело о патриархе Никоне 1897 — Дело о патриархе Никоне. СПб: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1897. 510 с.

¹¹ См. также об этом [Преображенская 2023, с. 293]

Письма преосвященного Лазаря Барановича — Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. Чернигов: Тип. Ильинского монастыря, 1865. 256 с.

ОР РНБ. F.XVII 83.

Симеон Полоцкий. Вирши — Симеон Полоцкий. Вирши. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. 446 с.

Син. 130 — ОР ГИМ. Син. собр. № 130. «Письмовник» Симеона Полоцкого.

Син. 229. — ОР ГИМ. Син. собр. № 229.

Литература

Анисимов, Базарова и др. — Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Проскуракова М. Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 1: История. С. 49–62.

Георгиевский 1896 – Георгиевский В. Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники: Типо-литография С. К. Матренинского, 1896. 416 с.

Лаврентьев, Преображенская 2020 — Лаврентьев А. В., Преображенская А. А. Симеон Полоцкий: «финансовый портрет» // *Slavia Orientalis*. 2020. Т. LXIX. № 4. С. 747–765.

Подтергера 2000 — Подтергера И. А. Письма и послания Симеона Полоцкого: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Полонский 2011 — Полонский Д. Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А. Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011: Научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93.

Понырко 1992 — Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1992. 214 с.

Преображенская 2023 — Преображенская А. А. Проповедь Симеона Полоцкого «на погребении честных жены»: приготовление христианки к смерти в последней четверти XVII в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2023. № 1. С. 287–309.

Татарский 886 — Татарский И. А. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 343 с.

Уо 2015 — Уо Д. К. Распространение новостей в России XVII в.: эпистолярный опыт Патрика Гордона // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 119–140.

Федотова 2005 — Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М.: «Индрик», 2005. 384 с.

Харлампович 1914 — Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. 878 с.

Preobrazhenskaya 2016 — Preobrazhenskaya A. «Cast Thy Burden upon the Lord, and He Shall Sustain Thee»: Consolatory Letter Practices at the Muscovy Tsar's Court in the Second Half of the Seventeenth Century // *Ceræ: An Australasian Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2016. Vol. 3. P. 1–21.

Rolland 1985 — Rolland P. A. «Dulce est et fumos videre Patriae» – Four Letters by Simiaon Polacki // *Harvard Ukrainian Studies*. 1985. Vol. 9. №. 1/2. P. 166–181.

Сведения об авторах

Анастасия Александровна Преображенская, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82

anastasja.preobrazhenskaya@gmail.com

Анна Грегориовна Флорес, младший научный сотрудник Отдела историко-культурных исследований русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

flore-anna@yandex.ru

A. A. Preobrazhenskaya, A. G. Flores

**POET AND HIS PATRONS:
TO THE PROBLEM OF SOCIAL AND HISTORICAL CONTEXT
OF LETTERS WRITTEN BY SIMEON OF POLOTSK**

Abstract

This short article is devoted to the problem of social and historic context of letters and epistles of the first Russian court poet Simeon of Polotsk (1629–1680). A brief description of the corpus of Simeon’s letters is provided, and methodological problems concerning working with letters as a historical source are discussed. Separately studied Simeon’s letters addressed to his “patrons”; an attempt is made to treat these letters as a source on the history of patron-client relations and relations between an artist and art patrons in the second half of the 17th century in Russia.

Keywords

Simeon of Polotsk, letters, epistles, letter-writers, patron-client relations, art patronage and patrons, patrons, language of patronage